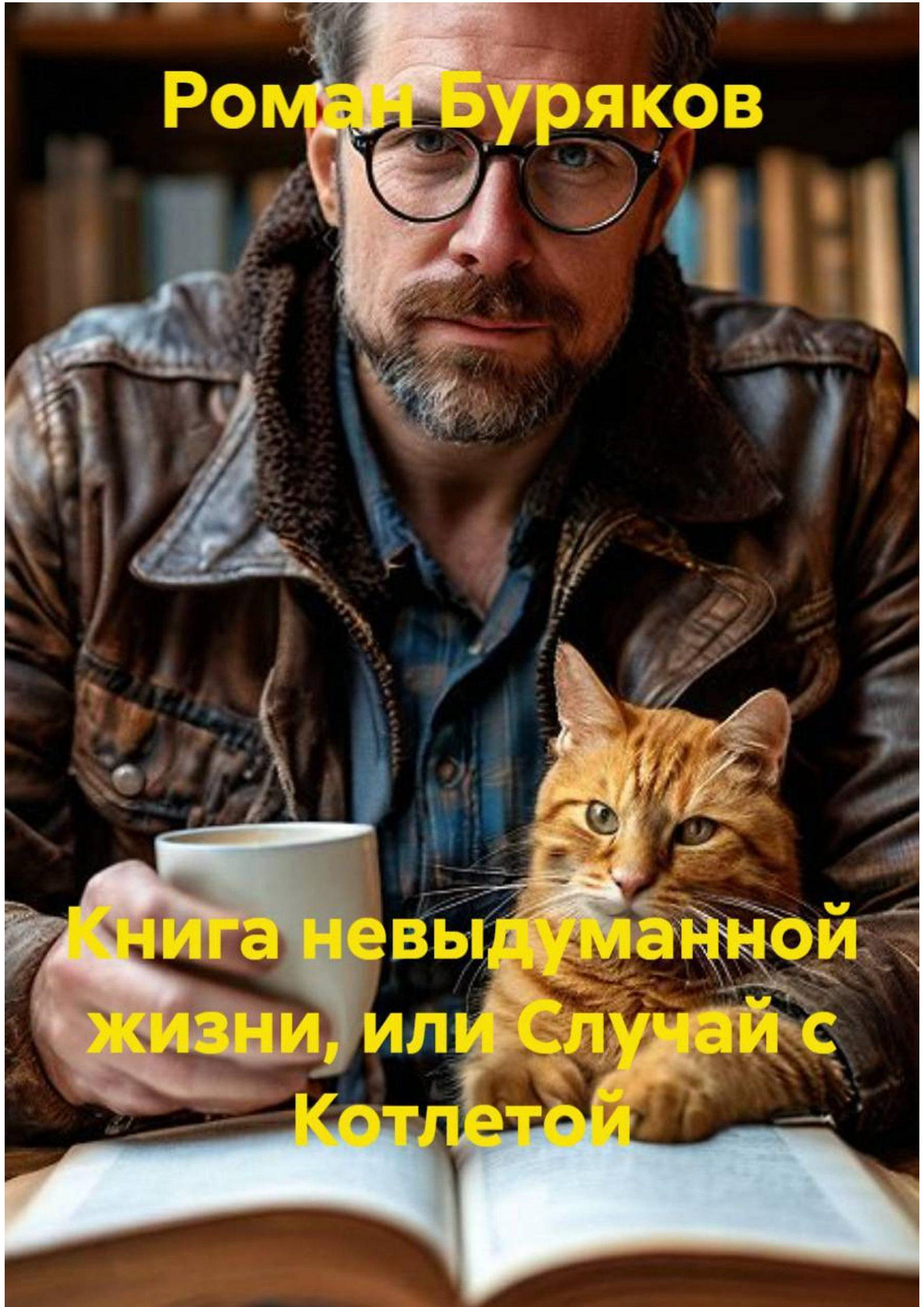

A man with a beard and glasses, wearing a brown leather jacket, is sitting at a desk. He is holding a white mug in his right hand and looking down at an open book. An orange tabby cat is resting its front paws on the open book. The background is a blurred bookshelf.

Роман Буряков

**Книга невидуманной
жизни, или Случай с
Котлетой**

Роман Буряков

**Книга невыдуманной жизни,
или Случай с Котлетой**

«Автор»

2026

Буряков Р.

Книга невыдуманной жизни, или Случай с Котлетой /
Р. Буряков — «Автор», 2026

Денис Тишин — среднестатистический офисный аналитик из Уфы. Его жизнь — это отчеты, метрики, растворимый кофе и мечты о новой жизни, которые так и остаются мечтами. Но однажды вместо заказанного блокнота ему присылают старую книгу в кожаном переплете, где уже описано его сегодняшнее утро. До мельчайших подробностей. Только с одним отличием: в книге у него есть рыжий кот по имени Котлета, которого в реальности не существует. Пока не существует. Денис пытается избавиться от книги, сжечь её, стереть в микроволновке — но она возвращается снова и снова, словно назойливое напоминание о том, что его жизнь давно уже кем-то написана. Однако чем глубже он погружается в текст, тем яснее понимает: книга — не пророчество и не проклятие. Это диалог. Спор между Редактором и Рассказчиком внутри него самого. И у Дениса есть выбор: остаться персонажем чужого романа или наконец взять ручку в свои руки и переписать собственную историю.

© Буряков Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Инвентаризация реальности	5
Глава 2. Принудительное переписывание	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Роман Буряков

Книга невыдуманной жизни, или Случай с Котлетой

Глава 1. Инвентаризация реальности

В тот вторник Денис Тишин сидел на кухне и чувствовал себя человеком, который только что выиграл в лотерею, но билет оказался фальшивым. Он ждал блокнот три дня. Серый блокнот, сто двадцать листов, клетка, твердая обложка. Цена — четыреста девяносто рублей с доставкой. Он даже мысленно прикинул, как будет записывать в него еженедельные отчеты для Сергея Витальевича, как аккуратно выведет столбцы с метриками конверсии и как почувствует себя организованным человеком. Организованным человеком с планом. План был прост: пережить этот квартал, получить премию, купить новые наушники и, возможно, наконец-то сходить в спортзал, абонемент в который пылился в ящике тумбочки уже второй месяц.

Теперь перед ним на столе лежал кирпич.

Настоящий книжный кирпич. Переплет из темно-коричневой кожи, потертой на углах так, словно книгу возили в багажнике поезда Москва — Владивосток раз десять туда и обратно. Корешок треснул, но держался. Страницы были желтоватыми, с неровными краями, как будто их резали вручную. И пахло от всего этого не складом «Озона» и не типографской краской, а чем-то сладковатым и сухим одновременно — старыми чердаками, в которых сушили яблоки, и чуть-чуть дымом. Денис понюхал книгу еще раз. Так пахла дача его бабушки, когда он был маленьким и залезал на антресоли в поисках журналов «Наука и жизнь».

Но самое странное началось, когда он открыл первую страницу.

Там не было ни содержания, ни аннотации, ни выходных данных. Не было даже названия. Вместо всего этого — строки, выведенные черными чернилами, которые почему-то не размазывались, хотя на ощупь были влажноватыми, словно их написали минуту назад.

«Сегодня я проснулся в три сорок пять утра. Сначала я подумал, что это будильник, но будильник был поставлен на семь двадцать. Я лежал и смотрел в потолок, на котором трещина повторяла очертания норвежского фьорда. Трещина была здесь всегда, но только сейчас я понял, что она мне не нравится. Она напоминала мне о том, что я не умею плавать».

Денис отложил книгу. Потом взял снова. Это был его почерк? Похоже. Но не совсем. Буквы были чуть более вычурными, с нажимами в тех местах, где он обычно нажимал слабо. И главное — он в три сорок пять не просыпался. Он вчера лег в час ночи, потому что завис в Ютубе, смотря видео про реставрацию старых пишущих машинок. В три сорок пять он спал как сурок. Трещина на потолке действительно была, она тянулась от люстры к углу и заканчивалась маленьким пятном, похожим на запятую. Но она никогда не казалась ему фьордом. Она казалась ему трещиной, которую надо зашпаклевать, но руки не доходят.

Денис перелистнул страницу.

«Затем я пошел на кухню. Котлета уже сидел на подоконнике и требовательно смотрел на меня. Я сказал ему: «Котлета, сегодня не твой день». Он фыркнул и отвернулся. Я насыпал ему корма, но он есть не стал. Котлета всегда так делает. Он ждет, пока я отвернусь, и только потом ест. Странное животное. Я его не выбирал. Он выбрал меня сам, когда влез в окно два года назад. С тех пор мы живем вместе, но я до сих пор не уверен, нравлюсь ли я ему как человек или я для него просто автоматическая кормушка».

Никакого кота у Дениса не было. Не было никогда. Он любил котов, теоретически. В детстве он подкармливал бездомного Ваську из подъезда, мама ругалась. Но взрослая жизнь не

предполагала кота. Кот требовал внимания, кот требовал жрать, кот требовал, чтобы ты с ним разговаривал, а Денис и так разговаривал сам с собой слишком часто, проверяя гипотезы для отчетов. Кот в его однокомнатной квартире на окраине Уфы стал бы третьим лишним. После него самого и ноутбука.

Но в книге кот был. Имя у кота было — Котлета. И это имя было настолько нелепым и одновременно настолько правильным, что Денис на секунду почти поверил, что кот существует. Он даже оглянулся на подоконник. Пусто. Только засохшее растение в горшке, которое он забыл полить три недели назад.

Денис перелистнул дальше. Страница 6. Страница 7. Страница 8. Везде был текст. Он описывал утро. Настоящее утро. Вот Денис наливает чай. Вот он смотрит в телефон — и правда, он только что смотрел уведомления, когда ждал, пока чайник закипит. Вот он трет глаз левой рукой, потому что у него аллергия на пыльцу березы, хотя на дворе ноябрь. Все сходилось. Вплоть до мелочей.

Кроме одного.

На странице 12 было написано: «Я потянулся к кружке с надписью «Свобода», взял ее, но пальцы скользнули по гладкой керамике, и кружка упала на пол. Она разбилась на три крупных осколка и множество мелких. Я стоял и смотрел на осколки, и думал: свобода — это всегда что-то разбитое. Цельное не бывает свободным».

Денис посмотрел на свою кружку. Она была синей, с надписью «Лучший аналитик отдела продаж», дурацкий приз с корпоратива двухлетней давности. Никакой кружки со свободой у него не было. Он вообще не понимал, зачем кому-то писать на кружке слово «Свобода». Это как написать «Трон» на стуле. Слишком пафосно.

— Чушь собачья, — сказал Денис вслух.

Он взял кружку «Лучший аналитик», сделал глоток чая. Поставил ее на стол. Кружка стояла ровно. Никаких признаков падения.

И в этот момент книга выпала у него из рук. Шлеп — и раскрылась на странице 13, где продолжалось описание: «Я поднял осколки кружки «Свобода» и порезал палец. Кровь была яркой, почти неестественно красной. Я лизнул ее и подумал, что на вкус она напоминает старые монеты. Котлета подошел, понюхал лужу чая на полу и ушел на балкон, всем своим видом показывая, что это не его проблемы».

Денис посмотрел на свои пальцы. Все целы. Ни порезов, ни крови, ни вкуса старой монеты во рту. Чай он выпил, а не пролил. Но странное ощущение не покидало его. Ощущение, что он делает что-то не то. Что он должен был разбить кружку, но почему-то не разбил, и теперь мир ждет, когда он исправится.

Он отнес книгу в прихожую, сунул в пустой пакет из-под картошки, который собирался выбросить, и вынес к мусорным контейнерам. Был уже вечер. Фонарь над контейнерами мигал с интервалом в три секунды, создавая впечатление дешевого фильма ужасов. Денис запихнул пакет в бак для смешанных отходов, чувствуя себя преступником, заматающим следы. Книга булькнула, соприкоснувшись с чьими-то пустыми банками из-под солений.

— И больше не возвращайся, — сказал Денис.

Он вернулся домой, вымыл кружку, перечитал рабочую переписку, лег спать. И уснул с чувством выполненного долга.

Утром книга лежала на коврик перед дверью. Без упаковки. Чистая, без единого пятнышка. И даже пахла уже не чердаком, а свежескошенной травой, хотя за окном был ноябрь и снег, который пошел накануне и растаял к утру.

Денис стоял в тапках и смотрел на нее несколько минут. Потом взял, отнес на кухню и открыл на первой попавшейся странице.

Там было написано: «Денис — не думай, что ты сошел с ума. Это гораздо интереснее. Умные люди не бросают книг в мусорный бак. Они хотя бы читают их до конца. А ты даже не дочитал до того места, где кот говорит первое слово».

Денис перечитал это три раза. Потом достал телефон. Ему захотелось позвонить кому-нибудь, кто мог бы подтвердить, что он еще не потерял связь с реальностью. Он пролистал контакты. Мама. Лучше не надо, она сразу начнет волноваться и предложит приехать с гречкой и валидолом. Сергей Витальевич. Смешно. Бывшая Света. Он не звонил ей два года, и она точно решит, что он пьян или хочет вернуться.

Денис отложил телефон. Потом снова взял. И набрал номер Светы. Палец сам нажал на вызов, словно кто-то невидимый вел его руку.

— Алло? — голос Светы был сонным и недовольным. — Денис? Сколько лет. Ты чего в шесть утра?

— Извини, — сказал он. — Я случайно.

Света хмыкнула. — Случайно не звонят бывшим в шесть утра. Ты пьян?

— Трезв как стекло.

— Тогда тем более странно. Ты по делу?

Денис замялся. Спросить «у нас был кот?» — значит окончательно прослыть сумасшедшим. У них не было кота. У них был фикус, который Света поливала кефиром, и фикус умер. Вот и все домашние животные.

— Ладно, — сказала Света в трубку. — Если хочешь что-то сказать — говори. А то будешь потом жалеть. Я спать хочу.

— Ничего, — сказал Денис. — Извини за беспокойство. Спи.

Он положил трубку и посмотрел на книгу. Книга молчала. То есть она не умела говорить, она же была книгой, но Денису казалось, что она молчит с укоризной. Как будто она ждала, что он наконец-то начнет читать по-настоящему, а не отмахиваться, как от назойливой мухи.

Он сел на кухонный стул, подвинул к себе кружку «Лучший аналитик» и открыл книгу на первой странице. Ладно, подумал он. Посмотрим, что там дальше про этого Котлету.

И начал читать.

К восьмой странице он уже перестал удивляться, что книга описывает его движения с точностью видеокамеры. Вот он дернул плечом — в книге было написано про плечо. Вот он почесал затылок — в книге появилась фраза про зуд. К двенадцатой странице он уже пробовал обманывать: специально делать то, чего в книге не было. Например, в книге было написано: «Денис посмотрит в окно и увидит женщину в красном пальто». Денис демонстративно отвернулся от окна и уставился в стену. Но краем глаза он все равно заметил красное пятно там, внизу, у остановки. Женщина. В красном пальто. Стояла и ждала автобус.

Он не хотел ее видеть. Но он ее увидел. Потому что книга сказала.

На странице 23 было описание того, чего еще не произошло, но должно было произойти через час. Там говорилось, что Денис пойдет в магазин за хлебом и повстречает соседку Веру из сорок седьмой квартиры. И она скажет ему: «У тебя усталый вид. Ты высыпaeшь?»

Денис решил не идти в магазин. Хлеб у него был. Белый, нарезанный, лежал в хлебнице с дырочками. Ему не нужно было выходить. Он останется дома, и тогда предсказание не сбывается. Это будет его маленькая победа.

Ровно в одиннадцать часов раздался звонок в дверь. Денис открыл. На пороге стояла Вера из сорок седьмой квартиры с пластиковым контейнером в руках. Она была в домашнем свитере, с заколкой на затылке, и пахло от нее яблоками и чуть-чуть корицей.

— Денис, привет, — сказала она. — Я тут пирог испекла с яблоками. Перепекла, получается слишком много. Возьмешь половину? И вообще, вид у тебя усталый. Ты высыпaeшь?

Денис взял пирог. Пирог был теплым. Сквозь пластик проступал золотистый верх с сахарной корочкой.

— Спасибо, — сказал он. — Высыпаюсь, да. А ты откуда знаешь, как меня зовут?

Вера улыбнулась: — Ты в лифте всегда здороваешься. И мама твоя звала тебя по имени, когда приходила два месяца назад. Я запомнила. У меня память на имена хорошая. А вот на лица — не очень. Но твое лицо я запомнила. Оно обычно говорит: «Мне бы полежать часок и ни о чем не думать».

Денис не нашелся, что ответить. Он просто стоял в дверях с контейнером и смотрел, как Вера уходит к себе, цокая домашними тапками по лестничной клетке. Она не поехала на лифте, хотя лифт работал. Она пошла пешком на четвертый этаж. Странная женщина.

Он закрыл дверь, поставил пирог на стол и открыл книгу на странице 23. Текст не изменился. Он был написан как есть, даже несмотря на то, что Денис не пошел в магазин. В книге было: «Денис не пойдет в магазин. Вместо этого соседка сама придет к нему. Она принесет пирог с яблоками и спросит про сон. Это случится в одиннадцать часов. Денис удивится, но виду не подаст».

— Ничего себе, — сказал Денис. — Ты еще и варианты просчитываешь?

Книга не ответила. Но на чистом поле внизу страницы, где раньше ничего не было, медленно проявилось несколько слов: «Я не просчитываю. Я просто знаю, кем ты будешь через час. Это совсем не то же самое».

Денис потерял глаза. Пирог остывал. Котлета, которого не было, прыгнул бы сейчас на стол, если бы существовал, но он не существовал, поэтому Денис спокойно отрезал себе кусок и съел. Яблоки были кисловатыми, но вкусными. С корицей. Или это была не корица, а что-то другое — кардамон, может быть. Он не разбирался в специях.

Он решил, что завтра же покажет книгу кому-нибудь. Вере, например. Она филолог. Ученая женщина. Может быть, она объяснит, что это за чертовщина, и поможет от нее избавиться.

А пока он дочитал главу до конца, где было написано: «Денис допьет чай и подумает, что жизнь, в общем, неплохая штука. Даже если в ней появляются книги, которые знают о тебе больше, чем ты сам. Особенно тогда».

Он допил чай. И подумал именно это.

Напоследок Денис перелистнул страницу и увидел небольшой постскриптум, написанный тем же почерком: «Кружка с надписью «Свобода» появится у тебя через три дня. Ты купишь ее на рынке, даже не заметив, как это произошло. Она будет ярко-оранжевой, и трещина на эмали будет напоминать ту самую трещину на потолке. Когда ты разобьешь ее — а ты разобьешь, — не бойся.

Денис захлопнул книгу. Посмотрел на кружку «Лучший аналитик». На потолок. На подоконник, на котором не было никакого кота.

— Тишина, — сказал он себе. — Фамилия у тебя правильная. Тишин. Тишина. Только этой книге плевать на тишину.

Он убрал остаток пирога в холодильник, вымыл чашку и пошел работать. Отчеты по конверсии не ждут. Даже если твоя жизнь вдруг превратилась в чужой роман, метрики никуда не денутся. Метрики всегда с тобой. Как запах старого чердака, который никак не выветрится.

Глава 2. Принудительное переписывание

Денис Тишин проснулся в среду с четким и непоколебимым решением: он будет игнорировать книгу. Не открывать, не трогать, не думать о ней. Положить в ящик письменного стола, задвинуть под стопку старых счетов за коммунальные услуги и жить так, как жил раньше. Спокойно. Предсказуемо. Без котов, без разбитых кружек и без текста, который знает о тебе больше, чем ты сам.

Он даже не стал пить чай на кухне. Он заварил чай в термокружку и ушел в комнату, где стоял рабочий ноутбук. Книга осталась в ящике. Тяжелая, кожаная, пахнущая чердаком. Пусть лежит.

— Ноль внимания, — сказал Денис вслух для храбрости. — Ты для меня не существуешь.

Он открыл ноутбук, запустил скайп, написал в общий чат отдела: «Доброе утро. Отчет по конверсии за вторник будет готов к 11 часам». Сергей Витальевич ответил смайликом. Коллега Катя из Екатеринбурга скинула мем про понедельник, хотя была среда. Все шло своим чередом.

В десять тридцать Денис уже строил графики в экселе и чувствовал почти физическое облегчение. Эксель не предсказывал будущее. Эксель был честен. Он показывал то, что есть: цифры, проценты, отклонения. Никакой метафизики. Только сухая, надежная математика.

В десять сорок пять зазвонил телефон. Номер не определился. Денис не взял. Он вообще не брал трубку с незнакомых номеров. Только если ждал курьера или звонка из поликлиники, но сегодня он ничего не ждал. Телефон замолчал, потом снова зазвонил — тот же номер.

— Алло, — сказал Денис нехотя.

— Денис Тишин? — голос был мужской, хрипловатый, с легким уральским говорком. — Вас беспокоят из сервисной службы «Систем-Интегратор». Мы нашли ваше обращение по поводу некорректной работы модуля отчетности. У вас сейчас есть минута?

— Я не обращался в «Систем-Интегратор», — сказал Денис. — Вы ошиблись.

— Как не обращались? — удивился голос. — У нас записано: Тишин Денис, город Уфа, заявка номер четыре-семь-девять-два. Вы писали, что у вас «пропадают данные из сводной таблицы при смене вкладки».

— Я такого не писал. У меня все работает нормально.

— Странно, — сказал голос. — Ладно, извините за беспокойство.

Денис положил трубку. Странно, подумал он. Очень странно. Он никогда не работал с этой конторой. Он вообще не помнил, чтобы у него были проблемы с модулем отчетности. Но голос назвал его фамилию. И город. И даже номер заявки звучал убедительно.

Он выдохнул и вернулся к экселю. График полз вверх. Все было хорошо.

В одиннадцать часов, когда Денис уже почти забыл о странном звонке, в окно что-то стукнуло. Он жил на третьем этаже. Рядом с домом росли березы, иногда ветки били по стеклу, но сейчас ветра не было. Стук повторился. Денис подошел к окну в зале, раздвинул штору.

На карнизе сидел рыжий кот. Не просто рыжий — оранжево-рыжий, с белым пятном на груди и большими зелеными глазами, которые смотрели на Дениса с выражением старого знакомого. Кот мяукнул один раз, требовательно, и ткнулся лбом в стекло.

— Ты чей? — спросил Денис.

Кот мяукнул снова. И полез в окно. Денис, к своему ужасу, обнаружил, что форточка открыта. Он всегда оставлял ее приоткрытой, потому что батареи пекли как в аду, а кондиционера не было. Кот ловко просунул голову, потом плечи, потом все свое длинное, на удивление упитанное тело и спрыгнул на подоконник.

С подоконника — на пол. С пола — на стул.

— Эй, — сказал Денис. — Ты зачем? У меня нет еды. У меня вообще нет ничего для котов. У меня даже кошачьего туалета нет.

Кот уселся на стул, сложил лапы крендельком и стал смотреть на Дениса. Смотрел он так, будто хотел сказать: «Ты, конечно, можешь продолжать этот цирк, но мы оба знаем, что я здесь уже давно. Просто ты раньше меня не видел».

— Котлета, — пробормотал Денис и сразу пожалел об этом.

Как только имя было произнесено, кот моргнул, медленно, с достоинством, и тряхнул головой. Словно подтверждал: да, это Я. Тот самый.

— Ты не можешь быть Котлетой, — сказал Денис. — Потому что в книге написано, что ты влез в окно два года назад. А я тебя вижу первый раз.

Кот зевнул, показав розовый язык и маленькие острые зубы. Потом встал, прошелся по стулу, свернулся клубком и закрыл глаза. Ему было плевать на логические противоречия.

Денис вернулся к ноутбуку. Но работать уже не мог. Он слышал ровное дыхание кота на стуле. Он чувствовал запах — от кота пахло улицей и чем-то сладким, похожим на ваниль. Кошки так не пахнут. Ванилью пахнут пирожные, а не бездомные животные.

В двенадцать часов позвонил Сергей Витальевич.

— Денис, привет, — начальник говорил быстро и энергично, как всегда, когда хотел что-то поручить. — Ты сегодня свободен после обеда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.